

DOI: 10.25178/nit.2026.2.11

Статья

Лексика рыболовства: сравнительный анализ на материале башкирского и тувинского языков

Гульфира Р. Абдуллина, Гульшаян Г. Алимбаева

Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация

Статья представляет собой сравнительный анализ лексики рыболовства в двух тюркских языках: башкирском и тувинском. Исследование продиктовано необходимостью выявления архаичных пластов и инноваций в родственных, но географически и культурно удаленных языках, что позволяет минимизировать влияние поздних межъязыковых контактов. Актуальность работы обусловлена восполнением существующего пробела в тюркологии, а также задачами документации интенсивно устаревающей терминологии традиционного хозяйственного уклада.

Сравнительно-сопоставительный анализ ихтионимической лексики выявил значительный общетюркский пласт (напр., “шортан” / “суртан” ‘щука’, “ала-буга” / “алабуға” ‘окунь’), подтверждающий глубокое историко-культурное единство. Одновременно установлены семантические расхождения в рамках общих основ (ср. “ак-балык” / “ак-балык” ‘елец, сиг’ в тувинском и ‘белорыбица, царь-рыба’ в башкирском) и уникальные номинации, отражающие адаптацию к местной экологии. Принципы классификации ключевых объектов промысла (хариус) демонстрируют высокую степень детализации по возрасту, размеру, цвету и месту обитания. Анализ лексики орудий и способов лова показал типологическое сходство в терминологии архаичных снастей (удочка — “сыырткыыш” / “кармак”, острога — “серээ” / “һалдау”, морда — “сүген” / “мурза”), свидетельствующее об общности базовых технологий. Выявлены и специфические различия, детерминированные экологическими факторами, такие как уникальные снасти

(башкирская жерлица суртанлык, тувинская кожаная ловушка тулуп) и исключительное богатство диалектной номенклатуры.

Заключается, что лексика рыболовства рельефно отражает диахроническое единство (общетюркский фонд) и синхронное разнообразие (автохтонные инновации), являясь ценным источником для реконструкции исторического развития тюркских языков и традиционных хозяйственно-культурных типов в контрастных природных средах.

Ключевые слова: сравнительный анализ; лексика рыболовства; ихтионим; орудие лова; башкирский язык; тувинский язык; тюркский язык; общетюркская лексика; традиционный промысел

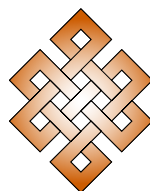
Для цитирования:

Абдуллина Г. Р., Алимбаева Г. Г. Лексика рыболовства: сравнительный анализ на материале башкирского и тувинского языков // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 162-175. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.11>

Абдуллина Гульфира Рифовна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой востоковедения и башкирского языкознания, декан факультета башкирской филологии, востоковедения и журналистики Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Эл. адрес: abguri@yandex.ru

Алимбаева Гульшаян Габсалямовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и башкирского языкознания Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Эл. адрес: alimbaewa5@mail.ru

Typological Similarity and Ethnocultural Specificity of Kazakh and Tuvan Etiological Myths

Gulfira R. Abdullina, Gulshayan G. Alimbayeva

Ufa University of Science and Technology, Russian Federation

The article presents a comparative analysis of fishing vocabulary in two Turkic languages: Bashkir and Tuvan. The study is driven by the need to identify archaic layers and innovations in related, yet geographically and culturally distant, languages, which makes it possible to minimize the impact of recent interlingual contacts. Its relevance is determined by the effort to fill an existing gap in Turkology, as well as by the task of documenting rapidly obsolescing terminology associated with traditional economic practices.

A comparative analysis of ichthyonymic vocabulary has revealed a substantial Common Turkic layer (e.g., “shortan” / “surtan” ‘pike’, “ala-buga” / “alabugha” ‘perch’), which confirms deep historical and cultural unity. At the same time, the study identifies semantic divergences within shared lexical bases (cf. “ak-balyk” / “aqbalyq” meaning ‘ide, whitefish’ in Tuvan and ‘beloribitsa, “tsar-fish”’ in Bashkir), as well as unique nominations reflecting adaptation to local ecologies. The principles used to classify key objects of fishing (such as grayling) demonstrate a high degree of differentiation by age, size, colour, and habitat. An analysis of terms denoting tools and methods of fishing has shown typological similarity in the terminology of archaic gear (rod — “syyrtkyysh” / “qarmaq”, spear — “seree” / “haldau”, fyke/net trap — “syugen” / “murza”), indicating a shared basis of fishing technologies. The study also reveals specific differences determined by ecological factors, such as unique devices (the Bashkir live-bait rig surtanlyq, the Tuvan leather trap tulup) and the exceptional richness of dialectal nomenclature.

It is concluded that the fishing lexicon sharply reflects both diachronic unity (the Common Turkic stock) and synchronic diversity (autochthonous innovations), serving as a valuable source for reconstructing the historical development of Turkic languages and traditional economic-cultural types in contrasting natural environments.

Keywords: comparative analysis; fishing vocabulary; ichthyonym; fishing gear; Bashkir language; Tuvan language; Turkic language; Common Turkic lexicon; traditional fishery

For citation:

Abdullina G. R. and Alimbayeva G. G. Fishing Vocabulary: A Comparative Analysis Based on Bashkir and Tuvan. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 162-175. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.11>

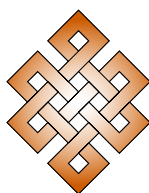

ABDULLINA, Gulfira Rifovna, Doctor of Philology, Professor, Head, Department of Oriental Studies and Bashkir Linguistics, Dean, Faculty of Bashkir Philology, Oriental Studies and Journalism, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 32 Zaki Validi St., 450076, Russia, Ufa. E-mail: abguri@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3597-007X

ALIMBAYEVA, Gulshayan Gabsalyamovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Oriental Studies and Bashkir Linguistics, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 32 Zaki Validi St., 450076, Russia, Ufa. E-mail: alimbaewa5@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5344-1561

Введение

Лексика, связанная с традиционными промыслами, формирует один из наиболее архаичных слоев языка, заключая в себе информацию о хозяйственном укладе, историческом развитии и межкультурных контактах народа. Несмотря на существование ряда исследований рыболовецкой лексики отдельных тюркских языков (Айтазин, 1973; Нафиков, 1982, 1983, 1984; Бятикова, 2010; Рахимова, 2001; Куулар, Сувандии, 2011; Рассадин, 2008; Сувандии, 2014 и др.¹), а также на наличие совсем недавних работ, основывающихся на детальном сопоставительном анализе ихтионимической и орнитонимической лексики татарского и тувинского языков (Галимова, 2025; Сафина, 2025), системный сравнительный анализ между языками различных ареалов остается актуальной научной проблемой.

Настоящее исследование фокусируется на сравнительном анализе лексики рыболовства в башкирском и тувинском языках. Выбор конкретных языков для анализа в данном исследовании не случаен. Он обусловлен контрастным принципом, позволяющим с максимальной рельефностью выявить как архаичное общетюркское ядро, так и инновации, вызванные различными природно-хозяйственными условиями. Башкирский язык представляет западный ареал тюркской семьи (уральско-поволжский регион), для которого традиционно характерен комплексный хозяйственный уклад с развитым скотоводством, земледелием и использованием ресурсов крупных речных систем. Тувинский язык является представителем восточного, сибирского (саянского) ареала, где в силу горно-таежного ландшафта и озерно-речной сети сложились иные модели природопользования, включая оленеводство и специализированную охоту и рыболовство. Сравнение столь географически и культурно удаленных языков позволяет рассматривать влияние поздних межъязыковых контактов и более четко дифференцировать общетюркские элементы от заимствований и автохтонных новаций. Анализ всех тюркских языков в рамках одной статьи неправомерен ввиду обширности материала; фокус на двух контрастных представителях дает репрезентативную модель для решения поставленных задач.

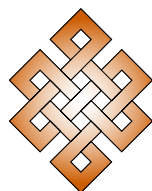
Ихтионимы башкирского и тувинского языков, являясь ядром рыболовецкой лексики, демонстрируют исключительное богатство и вариативность. Номинация происходит по комплексу признаков: внешний вид (цвет, форма), размер, возраст, место обитания, поведенческие характеристики и даже мифологические представления. Анализ ихтионимов позволяет реконструировать не только фауну региона, но и культурные приоритеты и особенности народа.

Актуальность данного исследования обусловлена следующими факторами:

1. Сравнительное изучение лексики родственных, но географически удаленных языков (башкирского — западно-тюркской группы, тувинского — сибирской, саянской группы) является ключевым для решения вопросов диахронического развития тюркских языков, выявления архаичных пластов и инноваций;
2. Исследование восполняет существующий пробел в науке, поскольку целенаправленное сравнение лексики рыболовства в башкирском и тувинском языках предпринимается впервые;
3. Многие термины традиционного рыболовства, не связанные с современными технологиями, интенсивно устаревают и выходят из употребления, что делает их фиксацию, систематизацию и анализ особенно актуальными задачами документации языкового наследия;
4. Исследование имеет значение не только для лингвистики, но и для этнографии, истории и культурологии, так как его результаты способствуют реконструкции традиционных хозяйственных систем и картины мира тюркских народов.

Исследование является междисциплинарным и лежит на стыке следующих научных отраслей: лингвистики (в первую очередь, сравнительно-исторического языкознания, лексикологии, семантики, диалектологии; этнолингвистики и лингвокультурологии).

¹ Айтазин К. Профессиональная лексика рыбного хозяйства Казахстана: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973; Нафиков Ш. В. Принципы номинации, структуры и происхождения названий рыб в башкирском языке: автореф. дисс... канд. филол. наук. Уфа, 1987; Нафиков Ш. В. Речное рыболовство. Уфа: Китап, 1997; Рахимова А. Р. Промысловая и хозяйственная лексика диалектов сибирских татар: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1998; Бятикова О. Н. Лексика рыболовства в татарском литературном языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2003; Куулар Е. М., Кужугет Ш. Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 3 (40). С. 234–236.

Настоящее исследование ставит своей *целью* сравнительный анализ лексики рыболовства башкирского и тувинского языков для выявления общетюркских элементов и специфических черт, обусловленных особенностями традиционного хозяйства и экологической среды.

Объект исследования — лексика рыболовства в башкирском и тувинском языках. Предмет исследования — семантические, структурные и лингвокультурные особенности лексики рыболовства в башкирском и тувинском языках, выявленные в результате сравнительного анализа.

В рамках реализации цели предполагается решение задач: проведение сравнительного анализа ихтионимической лексики в двух языках, с выделением общетюркского пласта, заимствований и уникальных номинаций, а также анализа принципов классификации рыб; сравнение лексики, связанной с орудиями и способами лова для выявления типологического сходства и различий, обусловленных экологическими и культурными факторами.

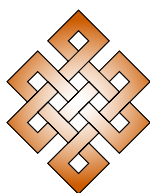
Исследование сосредоточено на лексике, отражающей традиционные, архаичные способы рыболовства, бытовавшие вплоть до середины XX в. Это позволяет зафиксировать пласт терминологии, сформированный в условиях натурального хозяйства и основанный на использовании орудий ручного изготовления из природных материалов (дерево, лыко, конский волос, кость). Лексика, связанная с современными фабричными снастями (например, спиннинг), не является предметом данного анализа, так как ее появление связано с процессами индустриализации и глобализации и не отражает специфику традиционной хозяйственной культуры башкир и тувинцев. Такой подход обеспечивает чистоту исследования и позволяет более рельефно выявить как общетюркское наследие, так и автохтонные черты. Географические рамки определяются ареалами распространения башкирского (Южный Урал, Предуралье) и тувинского (Саяно-Алтайский регион) языков, включая данные их диалектов.

Теоретическую базу исследования составили фундаментальные положения сравнительно-исторического языкознания и лингвокультурологии. В частности, работа опирается на концепцию языковой картины мира, согласно которой лексика, связанная с традиционными промыслами, отражает исторический опыт и культурные приоритеты народа. В области тюркологии были учтены теоретические разработки, касающиеся проблем общетюркского лексического фонда и диалектного варьирования. Методологической основой исследования является комплексный подход, сочетающий общенаучные и специальные лингвистические методы. Основным методом выступил сравнительно-сопоставительный анализ, применяемый как в синхронном аспекте для выявления типологических сходжений и расхождений, так и в диахроническом для идентификации общетюркской лексики. Для систематизации исходного материала использовался метод лексико-семантической группировки. Компонентный (семный) анализ был применен для детального описания семантической структуры номинаций, а метод семантической реконструкции — при анализе этимологически сложных и архаичных лексем. На всех этапах исследования применялся описательный метод, включающий приемы классификации, интерпретации и обобщения.

Источниковую базу исследования составили следующие группы материалов: 1) лексикографические источники: толковые, диалектологические, двуязычные словари башкирского и тувинского языков. Среди них: многотомный «Академический словарь башкирского языка», «Тувинско-русский словарь», «Этимологический словарь тувинского языка», «Диалектологический словарь башкирского языка» и др.¹; 2) научные труды в области лексики рыболовства тюркских языков (Айтазин, 1973; Нафиков, 1982, 1983, 1984; Рахимова, 2001; Сувандии, 2014; Кутлубаева, Абдуллина, 2016; и др.²); 3) этнографические и историко-культурные работы (Руденко, 1955; Вайнштейн, 1961; Даржа, 2009; Муллагулов, 2014), содержащие контекстуальную информацию о традиционном рыболовстве. Лексикографические источники и научная литература анализировались выборочно с целью формирования репрезентативной картотеки лексических единиц. Этнографические работы привлекались для верификации значений терминов и их культурной интерпретации.

¹ Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2011–2018; Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968; Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. I–V / отв. ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука, 2000–2018; Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002.

² Нафиков Ш. В. Речное рыболовство. Уфа: Китап, 1997; Куулар Е. М., Кужугет Ш. Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 3 (40). С. 234–236.

Ихтионимы башкирского и тувинского языков

Сопоставительное изучение ихтионимической лексики проводится в следующих аспектах: 1) выявление общетюркского пласта и межъязыковых параллелей; 2) описание уникальных и диалектных названий, отражающих экологическую среду и детализацию номинации.

Общетюркский пласт и межъязыковые параллели ихтионимов. В данной группе целесообразно рассматривать номинации щуки и окуня, а также ихтионимы *акбалык* и *сабак / чебак / шавага*, характеризующиеся семантическими расхождениями в лексике рассматриваемых нами языков.

Номинация щуки. В тувинском языке зафиксированы варианты *шортан* (лит.) / *шуруш* / *тооруш* (диал.), в башкирском языке — *суртан* (лит.) / *сортан* / *сорағай* / *шөкә* (диал.). Разнообразие диалектных форм в обоих языках указывает на древность данного лексического пласта. В этимологическом плане можно отметить восхождение наименований *шортан* и *суртан* к общетюркскому названию, так как у хакасов это *сортан*, у татар — *чуртан*, у киргизов — *чортан*, у казахов — *шортан* (Сравнительно-историческая ... , 2001: 178; Куулар, 2016а: 107). Не исключается и требует дополнительного лингвистического обоснования версия о возможном монгольском влиянии на терминообразование (от *шор* 'вертел, острый'), основанная на метафорическом описании вытянутой, «острой» формы тела рыбы (Куулар, 2016а: 107). Как отмечается в сравнительных исследованиях, данный ихтионим демонстрирует устойчивость на общетюркском уровне (Галимова, 2025: 342–343).

Номинация окуня. Ихтионимы *ала-буга* (тув.) и *алабуға* (башк.) являются общетюркскими наименованиями окуня, за исключением киргизского языка, в котором данной лексемой обозначается форель (Сравнительно-историческая ... , 2001: 178). Принцип номинации рыбы, по мнению Е. М. Куулар, основан на пестрой (*ала*) окраске рыбы, при этом компонент *-буга* 'бык' связывается с массивным горбом окуня (Куулар, 2016а: 107). Следует отметить и то, что в научной литературе мнение о восхождении второго компонента ихтионима к слову «бык» ставится под сомнение с учетом семантических и фонетических закономерностей (Сравнительно-историческая ... , 2001: 178; Галимова, 2025: 342). Диалектные формы демонстрируют значительную вариативность: тувинские *алага*, *шагдаа* букв. 'милиционер', *ала-балык* 'пестрая рыба', *бора-балык* 'серая рыба', *кызыл-адак* 'окунь'¹; башкирские *алабага*, *алантай*, *алабоға*, *дөрмән*, *дөрнәкә*, *күкәнәй*, *тоғоз*, *тыртан*, *шырмый алабаға*² 'окунь' (Куулар, 2016а: 107; Муллагулов, 2014: 120).

Семантические расхождения в общих основах. Сравнительный анализ выявляет случаи семантических расхождений в названиях некоторых рыб. Так, ихтионим *ак-балык* в тувинском языке означает 'елец' и 'саянский сир'³, тогда как башкирское *акбалык* имеет значения 'белорыбца' и, согласно мифологическим представлениям, 'царь-рыба' — священный покровитель, защитник всех рыб⁴ (Сувандии, 2014: 164; Муллагулов, 2014: 76). Аналогичное башкирскому наименование *акбалык*, также в значении 'белорыбца' имеется и в татарском языке (Галимова, 2025: 344). Группа ихтионимов *сабак* (башк.) и *чебак*, *шавага* / *шавышка*, *шамата* (тув.) также демонстрирует разнообразие трактовок. Тувинцы используют данные лексемы для обозначения мальков хариуса, однако в литературе имеются разногласия с точки зрения использования термина *чебак* 'сорога, сибирская плотва' в значении *шавага* 'мелкая рыба' (Куулар, 2016а: 106–107; Даржа, 2009: 529–530). Башкирское слово *сабак* также многозначно, его используют для называния малька, плотвы и ельца⁵ (Муллагулов, 2014: 112, 122). Башкирский язык демонстрирует исключительное богатство диалектных форм названий рыб, обозначаемых лексемой *сабак*: зафиксировано восемь диалектных наименований плотвы (*кызылгүз*, *йалтыр*, *йалтырка*, *кәтмен*, *сейгүз*, *талсабак*, *шәкелей*, *шәкле*), свыше десяти — ельца (*аксабак*, *боғарса*, *боғарсәй*, *бөгәрсәй*, *буғарса*, *йомарса*, *йомараш* / *йоморкай* / *йөмөркәй* / *йоморошка* / *йомортой*, *йомросабак*, *йоморсай*), 82 наименования малька (*актый*, *бәрзәсәк* / *бәрсәк*, *йотколок*, *йотколос*, *йоткос*, *йотом*,

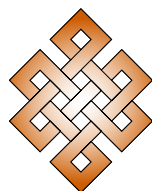
¹ Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 274.

² Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002. С. 18, 84, 163, 319, 346, 398.

³ Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 49.

⁴ Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2011. Т. I. С. 201.

⁵ Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2015. Т. VII. С. 320–321.

көс, көс, маймак, маймы, меле, мелек / мелекэй, метсэй, микара, мөлө, мөлөкэй, мүл, мале, нерге, өнгөрө, өнчүре, паймый, пытырый, самбат, сэмбэт, сарлый, себер, себерзей, сейбала, сейбалык, сейербала, сейеш, себербалык, сербалык, селбэрэ, сер, сербала / сирбала, серзе / серзей / серзекэй, серем, серкэ, серле / серлей / сертей, сибай / сибайбалык / сибайт / сибакка, сибетэ / сибэтэй / сималай / сималка / сирбак, симала / сималай, соло, сөбөр балык, сөртөй, сыйбала, сылбара, сылтый, сымбат, сынайыр, сыр, сырбала, сырзы / сырзый, сырйы, сырйын, сыржый, сырлый, сырпый, сырсай, сэмбэр, сэмбэт, сэркэ, шейеш / шыйыш, шиш, энчүр)¹. Как свидетельствуют источники, общетюркский ихтионим *сабак*, помимо обозначения мелкой рыбы, согласно всем источникам, служит наименованием разного вида рыб в системе тюркских языков: «рыба» — в караимском, «вобла» — в туркменском, «плотва» — в башкирском, татарском, узбекском, «лещ» — в чувашском, «пескарь» — в казахском, «жаба» — в уйгурском» языках (Сравнительно-историческая ..., 2001: 177; Галимова, 2025: 341).

Анализ подтвердил наличие значительного пласта общетюркской лексики, свидетельствующего о глубокой исторической общности народов в рамках рыболовческого хозяйства.

Специфические и диалектные названия: экология и детализация. Данная группа лексики служит маркером ареала обитания и специализации промысла, наиболее ярко отражая адаптацию к местной экологии (Галимова, 2025: 344).

Самой крупной рыбой на территории Тувы является *бел / бил / пел* 'таймень'. По поводу происхождения названия его имеются две версии. Согласно первой, оно имеет «эвфемистический характер» и связано «с тюркскими словами типа *белги* ~ *белги* со значениями 'знак, признак; метка, помета', 'отмеченный, известный, видный знатный'². В народной этимологии происхождение ихтионима *бел* связывают с поясницей, талией человека, имея в виду крупноразмерную характеристику тайменя, в частности, указание либо на длину — «от земли до талии (поясницы) человека (это примерно 1 метр)», либо на «толщину с талию» (Даржа, 2009: 528). Размерно-возрастные особенности рыбы в тувинском языке и его диалектах выражаются посредством разнообразных терминов: *согааиш дажы, чылбаяк, чылбай, куу чаак, пелтиң оглу, бел оглу, аныяк пел, белчик* (Куулар, 2016а: 107). Следует также отметить, что ихтионим *бел* в тувинском и ряде других языков (алтайском, хакасском, якутском) используется и в отношении лосося. В научной литературе выдвигается предположение о том, что в данном значении он является локальным сибирским словом (Сравнительно-историческая ..., 2001: 179).

В башкирском языке рыбу таймень называют *кызылбалык* (букв. 'красная рыба'), в диалектах также используются варианты *кызыл суртан, щүкә, крәсүлә, тәлмин, кызылса* (Муллагулов, 2014: 109; и др.³). Наименование рыбы связывают со цветом красноватых крылышек или хвостовой части⁴ (Муллагулов, 2014: 109; и др.⁵). В некоторых источниках *кызылса* переводится как 'красный окунь' и причисляется к числу младшего по возрасту рыбы *кызылбалык* (Кутлубаева, Абдуллина, 2016: 41).

Своеобразным лексическим наполнением характеризуется название рыбы *хариус* как в башкирском, так и тувинском языках. Данная рыба является ключевым объектом промысла обоих народов, последствием чего явилось порождение сложной системы классификации.

Критериями классификации хариусов (башк. — *бәрзе*, тув. — *кадыргы*) в обоих языках являются:

а) цвет: башк. *кара бәрзе* 'черный хариус', *һары бәрзе* 'светлый хариус'; тув. *көк-балык* 'синяя рыба', *ак кадыргы* 'белый хариус', *сарыг кадыргы* 'желтый хариус', *кара кадыргы* 'черный хариус' (Муллагулов, 2014: 76; Куулар, 2016а: 106);

б) возраст; данный признак является основополагающим для следующих разновидностей башкирских названий хариуса, представленных по принципу нарастания: «*сикат / базыка, бәрсәк, бәрзе, күк ял*» (Муллагулов, 2014: 103).

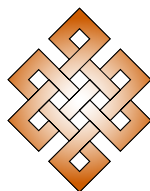
¹ Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2013. Т. V. С. 671; Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002. С. 109, 175, 272, 303, 400; 17, 51, 56, 59, 122; 18, 71, 72, 123, 155, 156, 227, 230, 231, 238, 240, 244, 258, 261, 263, 269, 270, 272–276, 279, 282, 288, 289–291, 293, 295, 392, 394, 397, 425.

² Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. I. А–Б. С. 209.

³ Нафиков Ш. В. Речное рыболовство. Уфа: Китап, 1997. С. 93, 158, 169.

⁴ Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2013. Т. V. С. 669, 675; Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2016. Т. VIII. С. 108.

⁵ Нафиков Ш. В. Речное рыболовство. Уфа: Китап, 1997. С. 93.

В обозначении разновидностей хариуса у тувинцев большое значение имеет размер рыбы, в соответствии с чем выделяются следующие термины: *докпак байлаң, байлаң, ак байлаң, шавага, кадыргыжык, кадыргы, улуг кадыргы, сарыг кудурук*, признак старости подразумевается лишь в наименовании *хос-хорек* (Даржа, 2009: 529). Помимо вышеназванных, в научной литературе можно встретить свыше десятка наименований мальков хариуса, бытующих в кара-хольском, тайгинском, тере-хольском говорах западного диалекта, также и тоджинском диалекте (Куулар, 2016а: 106–107). Говоря о принципе номинации рыб в тувинском языке, следует отметить, что именование часто осуществлялось через сравнение с частями тела (*карыш* ‘палец’, *шенек* ‘локоть’): «*карыш чартымы хире байлаң* ‘малёк, длина которого равна половине расстояния раздвинутых среднего и большого пальцев’» (Куулар, 2016а: 106), «*шенек хире узун кадыргы* ‘хариус длиной по народным меркам по локоть руки’» (там же);

в) место обитания, по данному критерию в тере-хольском говоре западного диалекта различаются «*хем байлаңы* ‘речные мальки хариуса’ и *хөл шерези* ‘озерные мальки’» (Куулар, 2016а: 106).

Заслуживает особого внимания также тот факт, что термином *кадыргы* тувинцы называют не только хариуса, но и сибирскую форель (Куулар, 2016а: 106). У башкир же форелью называется совершенно другой вид рыбы, именуемый в языке как *бағры* или *бағыр*, «реже — *сыбар балык* или *баһма сыбар* ‘пестрая рыба’» (Муллагулов, 2014: 106). Возрастные особенности форели выражаются в следующем: «форель первого года жизни называется *бағырсак*, старше — *бағырса*, взрослая особь — *бағры*» (там же: 106).

В качестве вида форели в тувинском языке в статье Е. М. Куулар рассматривается рыба *мыйыт* (лит.) / *шокар* (диал., в знач. ‘пестрый’¹) ‘ленок’. Пратюркской основой данного ихтионима является *bunut*, в ряде тюркских языков он бытует в следующих вариантах: *миит* (в тофаларском), *мыйыт* (в сойотском), *мыйыт* (в языке уйгуров-цаатанов), *мэйт* ~ *мэит* (в уйгуро-урянхайском), *mindir* (в хакасском), *бујут* (в якутском) (Рассадин, 2008: 191; Сравнительно-историческая ... , 2001: 177). Тувинское диалектное *шокар* связано с характерным пятнистым окрасом рыбы, а литературное *мыйыт*, «по мнению В. И. Рассадина, относится к числу лексем неизвестного происхождения» (Куулар, 2016а: 107). Однако имеются не получившие официального подтверждения версии о том, что при попытке разделить *мыйыт* на *мый* и *ыт* «наименование ленка можно буквально перевести как ‘собака, которая мяукает’», а также о том, что *мыйыт* «в точности соответствует одному из наименований кошки на тувинском» (Даржа, 2009: 529). Разграничение по размеру данной рыбы отражается в следующих понятиях: *кордээжигеиш, шокар байла, шокарак, безерек шокар* (Куулар, 2016а: 107; Даржа, 2009: 529).

С учетом критерия возраста и размера дифференцируются также названия и других рыб в обоих языках. Так, щука, к примеру, в маленьком возрасте у тувинцев обозначается лексемами *тоңнаа / тыңнаа, тооруштуң оглу / дыңнаа, шуруш оглу*. Для обозначения самой большой щуки тувинцы используют понятия *ояр / ояр тооруш* (Куулар, 2016а: 107). В башкирском языке возрастные, а также и размерные особенности щуки выражаются в следующих наименованиях: *серем / шүрәнле, кәләм / шүкә, сурағай / зуракай, суртан, оло суртан* (Муллагулов, 2014: 119). Маленького щуренка в башкирских диалектах также называют *безһан, мәстем, сорака / сорашка, сөрләк, сөрәм, сөрпөй, сөрпөлдәк, сөртөй, сөрәк / сөрәкә, шөшлө, шөшлөкәй, шүрәнкә*².

Что касается наименований рыбы *ерш* в рассматриваемых языках, следует отметить, что носители обоих языков при именовании данной рыбы учитывали его щетинистую и колючую поверхность: *шырт балык* (башк.) от *шырт* ‘щетина’³ и *тенниг-балык* (тув.) «от *тен* ‘колючка, иголка, шип’, букв. ‘рыба с шипами (иголками)’⁴» (Даржа, 2009: 530). Следует отметить, что в работе В. Ш. Нафикова наименование данной рыбы указано в качестве перевода рыб *алабуға* ‘окунь’, *бағры* ‘форель’, *ташбаш* ‘пескарь’, *һыла* ‘судак’, а также диалектизмов *юрыш / йәреш, йыртиш / юртиш*⁵. Интересен тот факт,

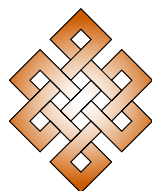
¹ Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 577.

² Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002. С. 42, 242, 280, 282, 395, 396.

³ Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2017. Т. IX. С. 928–929.

⁴ Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 411.

⁵ Нафиков Ш. В. Речное рыболовство. Уфа: Китап, 1997. С. 169–170.

что ихтионим ерш имеет множество вариантов наименований в башкирских диалектах: *бағыр, бикерә, йурыш, йәгүр, катысырт, лайла балык, сермыш, сөкәтә, этеш, сурака, сусый, сүмеспаиш, таштый, утйурыш, хәрәмалабуға, хәрәмсе, хәрәмтәй, эт шамбыһы, этекәй, этйоттош, этйурыш, этйүреш, эт палығы, этылакы*¹.

В группу рыб, свойственных как для тувинской, так и башкирской ихтиофауны, входят также:

1) налим (башк. *шамбы* (лит.), *шамбыуыс, элем* (диал.), тув. *мезил*);

2) сом, данная рыба в башкирском языке имеет общетюркское название *йәйен* (праформа: *ja:jyn*, чагатайское, турецкое, ногайское *ja:jyn*, туркменское *ja:jyn*, татарское *šajin*, башкирское *jäjin*, казахское, каракалпакское, киргизское *žajyn*; чувашское *šijän*, в турецком и чагатайском языках данный ихтионим используется в отношении лосося и щуки) (Сравнительно-историческая ..., 2001: 178). Тувинское название сома – *мезил*, как и налима (Сувандии, 2014: 164);

3) язь (башк. *опто* (лит), *ыпты* (диал.), тув. *даш балык* (лит.), *тозун балык* (диал.)), в зависимости от размера рыбы, тувинцы различают: *кызыл-адак* ‘язь небольшого размера’ (это слово используется также для обозначения окуня в диалектах²) и *мосурай* ‘язь среднего размера’ (Даржа, 2009: 530). Мальца язи в башкирском языке называют *оптосак*³ (Кутлубаева, Абдуллина, 2016: 41);

4) *пескарь*, по-тувински обозначаемый как *мешке, байлаң-балык, салдыг-байлаң*, а также *калбак-баштыг* ‘большеголовый пескарь’ (Галимова, 2025: 344; Сувандии, 2014: 164), а в башкирском – как *һәмбаш, ташбаш* в качестве литературных наименований, и посредством множества различных лексем – *бизгар, итлей, йомораиш / йоморкай / йөмөркәй / йоморошка / йомортой, йоморокай, йоморосабак, йоморса / йоморсай / йоморсо, йөмөркәй / йөмөрөкәй, керкә, кесәй, кутти, күттөй, күтәмәй, комай / комой / комый / коморой, комака, ком балығы, ком бәрзәһе, кушбаш, комкорһак, комока / комок / комокан, комтөрткәс, комһөргәс, майма, мыртый, нәзекәй, пискун, пискузук, питнай, сәргәй, ташака, ташакай, ташарый, ташбака, ташиңке, ташкай, ташкәй, ташпаиш, ташый, торақ, тосмохар, тостый, төкө, тыстый, үсмәс балык, һәшик, шөшлө, эт балығы, этней, әптекәс*⁴ – в диалектах. Как видно из списка диалектизмов, некоторые названия смежны с наименованиями других рыб в башкирском языке, это *шөшлө* ‘щуренок’, *йомораиш / йоморкай / йөмөркәй / йоморошка / йомортой, йоморосабак* ‘елец’, *кушбаш, комкорһак* ‘голавль’.

Кроме вышеобозначенных наименований рыб, тувинский язык располагает такими ихтионимами – названиями специфических видов рыб, как *чырбаловка* ‘каменная широколобка’, *семис-балык* (букв. ‘жирная рыба’) ‘пелядь’, *унер-балык / шывыл балык* ‘сибирская ряпушка’ (Сувандии, 2014: 164).

В башкирском языке используются, помимо вышеназванных, названия следующих рыб, характеризующиеся диалектными вариантными лексемами, зафиксированными в академическом и диалектологическом словарях башкирского языка:

а) голавль – *ажаяу, кушбаш* (букв. ‘двуугольный’ – возможно, по характерной массивной и широкой форме головы), используемые в литературном языке, а также диалектизмы *йомаркай, карағойрок* (букв. ‘черный хвост’), *кушбай, комкорһак*. По данным некоторых источников, возрастная дифференциация внутри данного вида также определяется конкретными лексемами: *карағойрок* (маленькая рыба) – *ажаяусык* (средняя рыба) – *ажаяу* (большая рыба) (Кутлубаева, Абдуллина, 2016: 41);

б) лещ – литературные названия *корбан балык / корман балык* (лит., букв. ‘жертвенная рыба’), они связаны с мифологическими представлениями башкир: «лещей используют в магических обрядах по лечению желтухи»⁵; лексемы *караканат / карағанат* (букв. ‘темный плавник’) также используются в литературном языке, *йәйеңке сабак* (букв. ‘плоская плотва’) – диалектизм. В лексиконе айских башкир бытуют понятия, обозначающие размер леща: «*тырантай* ‘самый маленький лещ’, *тәлпән* ‘лещ средней величины’»⁶;

¹ См.: Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002.

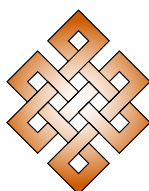
² Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 274.

³ Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002. С. 252.

⁴ Там же. С. 47, 103, 122, 124, 139, 157, 166, 198, 207, 227, 239, 246, 263, 295, 310, 311, 322, 323, 326, 346, 364, 388, 395, 420, 421, 426.

⁵ Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2013. Т. V. С. 466.

⁶ Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002. С. 345, 348.

в) вьюн — *йыланбалык* (лит.), *зөгэй*, *каракорһак* / *каракорсак*, *кылйыр*, *лакы*, *мачты*, *мыкырсан*, *ташпаш*, *укбалык*, *накалсан*, *һелэгэй*, *шаталак*, *эт алабуға*, *эт балык*, *эт балығы*, *сегэн*, *сүл балығы*, *этлек*, *этеш*, *әлем*, *әмөкө* (диал.);

г) подуст — *борош* (лит.), *борож*, *бурыш*, *бурыж*, *бүрес*, *буриз*, *бурис*, *бөрөшауыз*, *ләпәшауыз*, *түбән ауыз*, *һандык ауыз*, *капкас ауыз* (диал.);

д) синец — *күкйөн* (лит.), *күкен*, *күксэй*, *күкше*, *йока сабак*, *сингә* / *сиңгә*, *ялтыш*, *ялтырка*, *яу сабағы* (диал.);

е) жерех — *ағасак* (лит.), *ағасьяңак*, *ағарсак*, *дөйөрслән* / *дөйәрслән*, *кушбаш* (диал.);

ж) карась — *табан* (лит.), *табан балык*, *һарытабан*, *актабан* (диал.);

з) белоглазка — *аккүз* (лит.), *сәгер балык*, *аксәгер* (диал.);

и) стерлядь — *укбалык* (лит.), *сөгә*, *сеүә*, *сөгәз* (диал.);

й) линь — *карабалык* (лит.), *упты* (диал.);

к) судак — *һыла* (лит.), *сыла*, *эт алаһы* (диал.);

л) красноперка — *кызылғанат* (лит.), *тал оптоһы* (диал.);

м) подкаменщик — *зөгэй* (лит.), *ширкал* (диал.);

н) сазан — *һазан* (лит.), *сазан* (диал.).

Анализ ихтиониими выявил глубокое историко-культурное единство, выраженное в пласте общетюркской лексики, и одновременное наличие уникальных, экологически обусловленных систем номинации, демонстрирующих независимое развитие языков.

Сравнительный анализ лексики, связанной с орудиями и способами лова

Данная группа лексики наиболее четко отражает экологические условия и хозяйственно-культурные типы. По ней можно судить об эволюции промысла от архаичных к современным методам. В рамках раздела рассматривается лексика, связанная с тремя основными категориями орудий и способов лова: 1) способы рыбалки с удильной снастью, 2) применение ловушек и сетевых орудий, 3) использование колющих, крючковых и иных орудий.

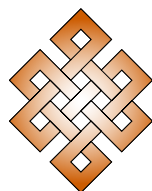
Лексика способов рыбалки с удильной снастью. Лексикой удильной снасти тувинского народа составляют следующие лексемы: *сыырткыыш* (лит., от *сыыр* – ‘глотать’), *кармак* (зап. диал.) ‘удочка’, состоящая из следующих частей: *сыһп* / *сыра* ‘рукоятка, ручка, черенок, удилище’, *сыырткыыш баа* ‘леса’ (арх., из конского волоса) / *жыылка* ‘леска’ и *илбек* / *хотпе* (арх., из кости и дерева) / *мармышка*, *кармак* (совр., металлический) ‘рыболовный крючок’, *халыткы* / *попльвоок* ‘поплавок’, *курзило* / *крузило* ‘грузило’. Способ ужения передается с помощью глаголов *сыырткыыштаар* / *сыралаар* / *кармактаар* ‘удить рыбу удочкой’ (Куулар, 2016b: 126; Сувандии, 2014: 165; и др.¹).

Лексика, связанная с ужением рыбы у башкир, представлена следующими понятиями: *кармак* (лит.) / *йерә*, *тейәк*, *һүгән*, *йезә* (арх., диал.) ‘удочка’ (Нафиков, 1997: 161), она состоит из удилища, называемого в народе *кармак сыбығы* / *һап* / *кыуал*; рыболовного крючка (*кармак*), лески (*кармак бауы*, *ебе*), раньше самодельно изготавливаемой из конского волоса, нитки из волокон крапивы или конопли; поплавок (*калкыуыс*) и грузила (*батырғыс*) (Муллагулов, 2014: 99–102). Действия, связанные с ловлей рыбы с помощью удочки, передаются глаголами *кармаклау* ‘ловить рыбу удочкой’, *кармак һалыу* ‘забросить удочку’, *кармакка селәусен катыу* ‘насадить на крючок червяка’, *кармак емләу*, *ултыртыу* ‘наживить крючок’, *ем каптырыу* ‘наживить удочку’ и др. Следует отметить, что башкирский язык располагает множеством лексем – наименованиями видов удочек, структурных элементов металлического крючка, действий рыболова при ужении удочкой².

Уникальным видом удочки для ловли щуки у башкир был *суртанлык* ‘жерлица’, составными элементами которого являлись: *сатамай* ‘рогулька’, *сата ағастары* ‘рожки’, *суртанлык ебе* ‘бечевка’, *суртан кармағы* ‘якорь’ (Муллагулов, 2014: 118–119).

¹ Куулар Е. М., Кужугет Ш. Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 3 (40). С. 236.

² Нафиков Ш. В. Речное рыболовство. Уфа: Китап, 1997. С. 171.

К лексике со значением насадки на рыболовный крючок в башкирском языке относятся слова *алдаткыс ем* 'приманка, насадка', *икмэк кишәге* 'хлебная крошка', *камыр* 'тесто', наименования различных видов круп — *борсак* 'горох', *бойзай* 'пшено', *арна* 'ячмень'¹, *тиреҫ селәүе* 'навозный червь', *сиңерткә* 'кузнечик', *кабык корто* 'личинка короеда', а также *мәнкә / мәңкә / бурмаш* 'мормыш, озерный рачок-бокоплав' (использовали при зимней рыбалке) (Муллагулов, 2014: 102, 125). В тувинском языке данный лексический пласт составляют слова *шыйлашкын* 'дождевой червь', *шерги* 'кузнечик', *шартылаа* 'летающая саранча', *балык курту* 'рыбья наживка', *кызыл курт* 'красный червь', *селеске* 'ящерица' (для крупных хищных рыб), *моошка* 'мелкая рыба' (Даржа, 2009: 518; Куулар, 2016b: 126; и др.²).

Таким образом, лексика удильной снасти тувинцев и башкир демонстрирует структурное сходство основных компонентов удочки, обладая при этом уникальными этнокультурными номинациями как самих снастей и их частей, так и способов ужения и видов наживки.

Лексика рыболовства с применением ловушек и сетевых орудий. Лексику рыболовства с помощью ловушек составляют понятия морда, или верша, наименования ловушек цилиндрической формы из тальниковых прутьев (башк. *мурза* (лит.) / *кувар* / *кубар* / *һүгән* / *һәүән* / *фүгән* / *миршә* / *кәршәгә* / *тирәк ау* / *сүлмәк мурза*³, тув. *сүген* / *бара*⁴). Тувинцы использовали морду под названиями «бара — у оленеводов, *сүген* — у скотоводов» (Вайнштейн, 1961: 55). Своеобразной ловушкой для рыб у тувинцев являлся «*тулуп* 'кожаный мешок, сшитый из одной шкуры взрослой коровы, но чаще из шкуры марала или лося'» (Даржа, 2009: 522), считавшийся вдвойне выгодным: в плане ловли рыбы и окончательной обработки шкуры. Этот метод, возможно, и способствовал «изобретению верш из веток и сетей» (Даржа, 2009: 522). Что касается башкир, в определенных регионах, помимо вышеприведенных тальниковых морд, пользовались вершами, изготавливаемыми из нитей, их называли *койрок* / *нәрәтә*⁵. Следует отметить, что слово *нәрәтә* является диалектным вариантом термина *шаран* 'плетень из ивовых прутьев, предназначенная для перегородки части реки с целью прочного удерживания установленной морды; запруда'. Факт широкого использования морды в башкирской рыболовной среде можно подтвердить региональными вариантами названий частей верши, к примеру, горловины: *йәлдәү* / *балакас* / *бөйрәк* / *бәпкә* / *йотко* / *йөрәк* / *йәннәт* / *һеүән* / *мурза балаһы* / *мурза теле*; корпуса: *мурза анаһы* / *өйлөк* и т. д.

Применение сетевых снастей в рыболовстве способствовало появлению следующих терминов в рассматриваемых нами языках. Так, понятиями, определяющими специфику сетевого способа рыбной ловли у тувинцев, являются: *четки* 'сети из конских волос', «*четки кара* (букв. — глаз сетки) 'ячейки сети', *четки чекпези* (букв., пробка сетки) 'поплавки', «*ушбаг* 'веревка' (вероятно, *уш баг* 'веревка, сплетенная из трех нитей'), *четки таджи* (вероятно, дажы: таш 'камень', выполнявший функцию грузила сетки), *сөөртиир четки* 'сравнительно небольшие сети, которые таскают (волочат)'» (Даржа, 2009: 523). Известно, что существовало несколько способов ловли рыбы с помощью сетей: «*тикпелээр* 'лов рыбы сетью в стоячей воде'» (Вайнштейн, 1961: 55; Даржа, 2009: 524); *cheder* 'ловля с передвижением на плоту по течению'; «*одуганнар* / *чырыткылаар* 'ночной лов рыбы в мелководных местах'» (Вайнштейн, 1961: 55–56), в плане которого В. К. Даржа вводит следующее дополнение: «*Одуганнаар* (на самом деле правильнее назвать *одагланыыр* — букв. разводить костер) и *чырыткылаар* (правильнее — *чырыдар* 'освещать'), в сущности, были одним способом лова при помощи сети и света (по-русски описанный способ можно назвать «лучением»), но все же тувинцы их различали. Начинался лов с того, что рыбаки, хорошо зная рыбные места на мелководье, в определенное время, по темну, с подожженными факелами из фашин, связанных из сухих ветвей кустарника, ходили по берегу реки, выявляя «концентрацию рыбы» у берега. Если рыбы было достаточно, то замеченный участок обводили сетью, делая это как было описано выше. В этом случае способ назывался *чырыткылаар* или *чырыдар*» (Даржа, 2009: 524). Если рыбы было мало, на берегу рядом с мелководьем разводили большой костер. «Способ лова сетями с привлечением рыбы большим костром назывался *одагланыыр*» (там же: 524). Некоторые разъяснения следует внести также в плане терминов *өксээр* / *өскээр* / *көксээр* и *бадар*. Так,

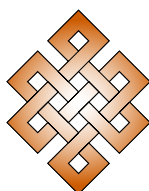
¹ Там же. С. 9.

² Куулар Е. М., Кужугет Ш. Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 3 (40). С. 236.

³ Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002.

⁴ Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 90, 393.

⁵ Там же. С. 417, 617–618.

С. И. Вайнштейн термином *өксээр* называет «индивидуальный лов в маленьких, неглубоких речках. Рыбак заходил в реку и тащил сеть по воде, один конец которой, привязанный к палке, был воткнут в землю на берегу. Для лова употреблялась сеть длиной до 10 м» (Вайнштейн, 1961: 56). В суть данного способа В. К. Даржа вносит следующие дополнения: «способ *өскээр* (у тофаларов — *көксээр*) могли применять двое и даже один человек. Прием этот заключается в том, что рыбаки бредут с сетью против течения и называется *өскээр* 'идти вверх по реке (против течения)'. Затем, повернувшись, шли по течению (движение вниз по течению называется *бадар*)» (Даржа, 2009: 523).

Среди башкир рыболовство с применением сетей, материалом для изготовления которых в основном служили крапивные и конопляные нити, также имело широкое распространение, подтверждением чему является закрепление в лексиконе следующих понятий: *кур* (диал.) 'ручная сеть', *кур ултырыу* 'лов ручной сетью', *һоҫко* (диал., букв. 'совок') 'сеть в виде совка', *ау* 'ставная сеть', *йөзмә һөзгөс* 'плавная сеть', *һөзгө, һөзгөс* 'бредень', *йылым / елым* 'невод' (Муллагулов, 2014: 133–144; Руденко, 1955: 91–92). Лексика башкирского языка располагает множеством наименований разновидностей сетей, используемых башкирами¹.

Лексика ловушек и сетевых орудий у тувинцев и башкир, при общем типологическом сходстве этих орудий, демонстрирует богатство и уникальность этнокультурных номинаций, где башкирский язык отличается особой детализацией частей конструкций, а тувинский — конкретикой способов лова.

Наименования колющих, крючковых и иных орудий рыболовства. Колющие и крючковые орудия ловли закрепились в лексиконе за следующими наименованиями:

а) в обоих языках: *острога* (башк. *һалдау* (лит.) / *һандау* / *салтау* / *страга* / *сәнәске* / *какшар* / *какшыр*, тув. *серээ*²); ей пользовались при лучении рыбы (башк. *сыракка төшөү*, тув. *балык чырыткылаар* 'лучение при помощи факела', *одаглап чырыдар* 'лучение посредством разожженного на берегу костра') (Муллагулов, 2014: 87; Даржа, 2009: 515). Способ ловли с применением острога в тувинском языке выражается следующими понятиями: *серээлээр* / *серээ биле шиштээр*³. Среди сопутствующих башкирских лексем следует назвать следующие: *ятыу* 'омут', *сырак* 'факел, светец', *калак* 'длинная деревянная лопаточка';

б) в рыболовстве обоих народов применялся *багор* (башк. *багор*⁴, тув. *тыртпа*), представляющий собой длинный стержень с крюком на конце, применяемый для захвата рыбы за губу или тело. Бытование данного термина в башкирском языке в заимствованном виде наталкивает на мысль, что способ ловли багром не особо был распространен среди башкир. Что касается тувинского языка, научный интерес представляют суждения В. К. Даржа на природу происхождения багра (в плане того, что предшествовало ему: металлический крючок или копье) и его тувинского наименования *тыртпа* (от *тырт* 'тянуть'⁵ с присоединением словообразующего суффикса *-па*) (Даржа, 2009: 518). Согласно упоминаниям в научной литературе, тувинцы при ловле рыбы использовали «*илпек* лит. *илбек* 'самодельный крючок для вытаскивания рыбы из проруби'⁶, в какой-то мере похожий на багор;

в) орудийная лексика рыболовства у тувинцев представлена также понятиями «*бижек* 'нож', *кестик* 'маленький ножик', «*бишектээр* / *биъжек-биле балыктаар* 'ловить рыбу ножом'⁷ (Куулар, 2016b: 126; и др.⁸).

¹ Нафиков Ш. В. Речное рыболовство. Уфа: Китап, 1997. С. 165.

² Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 374.

³ Куулар Е. М., Кужугет Ш. Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 3 (40). С. 236.

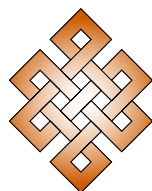
⁴ Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2011. Т. II. С. 59.

⁵ Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 430.

⁶ Куулар Е. М., Кужугет Ш. Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 3 (40). С. 236.

⁷ Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 101, 239.

⁸ Куулар Е. М., Кужугет Ш. Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 3 (40). С. 236.

Среди иных орудий ловли, характерных для обоих народов, следует отметить петлю (башк. *мәскәү / мәскәү*, тув. *дузак*⁹), используемую и поныне во все сезоны года. Сопутствующими лексемами вида ловли с использованием петли у башкир являются *мәке* 'прорубь', *шыға* 'специальный шест длиной в 1,5–2 метра', которым водили взад-вперед «живого самца щучьих» в качестве приманки, «*шыға-ятыу*, что означает 'лов рыбы, лежа на льду с помощью петля через прорубь'» (Муллагулов, 2014: 84–86).

С прорубанием льда на озерах и реках связано также глушение рыбы; для обозначения понятий, связанных с таким способом ловли рыбы, используются следующие слова и выражения: башк. *балык шаңкытыу* 'глушение рыбы', *сукмар* 'оглушник', *сәкән* 'клюшка', *һөймән* 'пешня' (Муллагулов, 2014: 95), тув. *ойук* 'прорубь', «*соп балыктаар* 'рыбачить, нанося удары'» / «*мукулаар* < *муку* 'колотушка, которой глушат рыбу в небольшой речке'» 'колотить рыбу'¹ (Даржа, 2009: 517).

Лексика колющих и иных орудий рыболовства у тувинцев и башкир при общности базовых типов орудий (острога, багор, петля) демонстрирует уникальные номинации и специфические приемы лова, отражающие культурно-хозяйственные особенности каждого народа.

Сопоставление терминологии орудий лова подтвердило наличие общего архаичного комплекса снастей, свидетельствующего о единстве традиционных хозяйственных типов, а также выявило специфические черты, отражающие локальную адаптацию промысла к окружающей среде. Таким образом, лексика орудий и способов лова служит надежным источником для реконструкции не только исторического развития рыболовного промысла, но и специфических адаптационных стратегий каждого из народов к своей природной среде.

Заключение

Результаты сравнительного анализа ихтионимической лексики убедительно демонстрируют наличие значительного общетюркского пласта, подтверждающего глубокое историко-культурное и языковое единство (на примере таких номинаций, как *шортан / суртан* 'щука', *ала-буга / алабуға* 'окунь'). Одновременно с этим выявлены семантические расхождения в рамках общих основ (ср.: *ак-балык / акбалык* 'елец, сиг' в тувинском и 'белорыбица, царь-рыба' в башкирском; многозначность лексемы *сабак / чебак*), что отражает независимое развитие значений в разных экологических и культурных контекстах. Принципы классификации рыб, особенно ключевых объектов промысла, таких как хариус, оказались сложными и многоаспектными, основанными на возрасте, размере, цвете и месте обитания, что подчеркивает высокую степень детализации и адаптации языка к местной ихтиофауне.

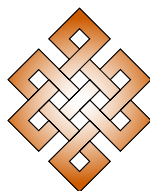
В ходе сравнительного анализа лексики, связанной с орудиями и способами лова, выявлено типологическое сходство в терминологии, обозначающей архаичные орудия (удочка — *сыырткыыш / кармак*, острога — *серээ / халдау*, морда — *сүген / мурза*), что указывает на общность базовых технологий промысла в тюркской среде. В то же время четко проявились специфические различия, детерминированные экологическими и культурными факторами. К ним относятся уникальные снасти (башкирская жерлица *суртанлык* и тувинская кожаная ловушка *тулуп*), а также исключительное богатство диалектной номенклатуры, детализирующей как конструкцию орудий, так и способы их применения.

Общий вывод заключается в том, что лексика рыболовства башкирского и тувинского языков представляет собой сложные иерархические системы, рельефно отражающие диахроническое единство (общетюркский лексический фонд) и синхронное разнообразие (автохтонные инновации и семантические расхождения). Эти системы являются ценным источником для реконструкции как исторического развития тюркских языков, так и традиционных хозяйственно-культурных типов, сложившихся в контрастных природных средах — урало-поволжской и саяно-алтайской.

Перспективы дальнейших исследований видятся в следующих направлениях. Расширение сравнительной базы — включение в анализ данных других тюркских языков, прежде всего соседних с башкирским (татарский, казахский) и тувинским (хакасский, алтайский), что позволит более точно

¹ Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов ... С. 182.

² Там же. С. 302.

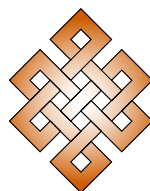

очертить ареалы распространения лексических явлений и выявить зоны контактов. Углубленный лингвокультурологический анализ — более детальное исследование мифологизированной и табуированной лексики (например, *акбалык, корбан балык*), ее связи с обрядовой практикой и народными верованиями. Этимологический анализ спорной лексики — углубленное изучение происхождения дискуссионных ихтионимов (например, *бел, мыйыт, алабуға*) с привлечением данных смежных языковых семей. Сопоставительное изучение смежной терминологии — проведение аналогичного сравнительного анализа лексики, связанной с другими традиционными промыслами (охота, скотоводство), что позволит получить целостную картину отражения хозяйственного уклада в языке.

Таким образом, данное исследование не только восполняет существующий пробел в тюркологии, но и открывает новые горизонты для междисциплинарных изысканий на стыке лингвистики, этнографии и истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айтазин, К. (1973) О некоторых названиях рыб // Местные особенности в казахском языке / отв. ред. С. К. Кенесбаев. Алма-Ата : Наука. 202 с. С. 136–148.
- Бятикова, О. Н. (2010) Кайбер ихтионимнарга тарихи-чагыштырма анализ // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. № 3. С. 78–81.
- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки. М. : Издательство восточной литературы. 218 с.
- Галимова, О. Н. (2025) Системы ихтионимов в татарском и тувинском языках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 333–351. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.20>
- Даржа, В. К. (2009) Традиционные мужские занятия тувинцев: хозяйство, охота, рыбалка. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 592 с.
- Кутлубаева, Р. Ф., Абдуллина, Г. Р. (2016) Ихтионимы в башкирском языке // Символ науки. № 11–4. С. 41–42.
- Куулар, Е. М. (2016а) Ихтионимы в диалектах тувинского языка: сравнительный аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8–2 (62). С. 105–108.
- Куулар, Е. М. (2016б) Лексика традиционных орудий и способов ловли в диалектах тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12–3 (66). С. 125–127.
- Куулар, Е. М., Сувандии, Н. Д. (2011) Охотничья-рыболовная лексика западного диалекта тувинского языка // Научные труды Тувинского государственного университета / отв. ред. О. М. Хомушку. Кызыл : РИО ТувГУ. 203 с. С. 137–139.
- Муллагулов, М. Г. (2014) Архаичные способы хозяйства у башкир: традиции и новации. Уфа : Китап. 176 с.
- Нафиков, Ш. В. (1982) Возрастная дифференциация в названиях рыб в башкирском языке // Проблемы изучения башкирских литературно-публицистических и фольклорных источников / отв. ред. Э. Ф. Ишбердин. Уфа : БФАН СССР. 114 с. С. 110–113.
- Нафиков, Ш. В. (1983) К определению семантической структуры названий рыб в башкирском языке // Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка: сборник статей / отв. ред. З. Г. Ураксин. Уфа : БФАН СССР. 128 с. С. 55–59.
- Нафиков, Ш. В. (1984) Заимствования в ихтионимах башкирского языка // Источниковедение башкирской филологии / отв. ред. И. Г. Галяутдинов. Уфа : БФАН СССР. 98 с. С. 75–80.
- Рассадин, В. И. (2008) Комплекс охотничье-рыболовческой лексики в саянских тюркских языках таёжного ареала // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов / отв. ред. А. В. Дыбо. М. : Восточная литература. 341 с. С. 155–194.
- Рахимова, А. Р. (2001) Лексика диалектов сибирских татар (сравнительно-исторический анализ промысловой и хозяйственной лексики). Казань : МастерЛайн. 128 с.
- Руденко, С. И. (1955) Башкиры. Историко-этнографические очерки. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР. 402 с.
- Сафина, Э. И. (2025) Общетюркские орнитонимы в татарском и тувинском языках (этнолингвистический аспект) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 352–370. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.21>
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика (2001) / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 821 с.

Сувандии, Н. Д. (2014) Рыболовная лексика в западном диалекте тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (42). С. 164–166.

Дата поступления: 06.10.2025 г.

Дата принятия: 28.11.2025 г.

REFERENCES

- Aitazin, K. (1973) Some fish names. In: *Local features in the Kazakh language*. Ed. by S. K. Kenesbaev. Alma-Ata, Nauka. 202 p. Pp. 136–148. (In Russ.)
- Byatikova, O. N. (2010) Historical-comparative analysis of some ichthionyms. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, no. 3, pp. 78–81. (In Russ.)
- Vainshtein, S. I. (1961) *The Tofalar (Todzhin Tuvans): Historical and ethnographic essays*. Moscow, Izdatelstvo vostochnoi literatury. 218 p. (In Russ.)
- Galimova, O. N. (2025) Systems of ichthionyms in Tatar and Tuvan. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 333–351. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.20>
- Darzha, V. K. (2009) *Traditional male occupations of the Tuvans: economy, hunting, fishing*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 592 p. (In Russ.)
- Kutlubayeva, R. F. and Abdullina, G. R. (2016) Ichthionyms in the Bashkir language. *Simvol nauki*, no. 11–4, pp. 41–42. (In Russ.)
- Kuular, E. M. (2016a) Ichthionyms in the dialects of the Tuvan language: a comparative aspect. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 8–2 (62), pp. 105–108. (In Russ.)
- Kuular, E. M. (2016b) Vocabulary of traditional fishing gear and methods in the dialects of the Tuvan language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12–3 (66), pp. 125–127. (In Russ.)
- Kuular, E. M. and Suvandii, N. D. (2011) Hunting and fishing vocabulary of the western dialect of the Tuvan language. In: *Nauchnye trudy Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ed. by O. M. Khomushku. Kyzyl, RIO TuvGU. 203 p. Pp. 137–139. (In Russ.)
- Mullagulov, M. G. (2014) *Archaic economic practices of the Bashkirs: traditions and innovations*. Ufa, Kitap. 176 p. (In Russ.)
- Nafikov, Sh. V. (1982) Age differentiation in fish names in the Bashkir language. In: *Problems in the study of Bashkir literary, journalistic and folklore sources*. Ed. by E. F. Ishberdin. Ufa, Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences. 114 p. Pp. 110–113. (In Russ.)
- Nafikov, Sh. V. (1983) On defining the semantic structure of fish names in the Bashkir language. In: *Issues of lexicology and lexicography of the Bashkir language: collection of articles*. Ed. by Z. G. Uraksin. Ufa, Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences. 128 p. Pp. 55–59. (In Russ.)
- Nafikov, Sh. V. (1984) Loanwords in the ichthionyms of the Bashkir language. In: *Source studies in Bashkir philology*. Ed. by I. G. Galyautdinov. Ufa, Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences. 98 p. Pp. 75–80. (In Russ.)
- Rassadin, V. I. (2008) The complex of hunting and fishing vocabulary in the Sayan Turkic languages of the taiga area. In: *The natural environment and material culture of Proto-Turkic peoples*. Ed. by A. V. Dybo. Moscow, Vostochnaya literatura. 341 p. Pp. 155–194. (In Russ.)
- Rakhimova, A. R. (2001) *Vocabulary of the dialects of Siberian Tatars (a comparative-historical analysis of fishing and economic vocabulary)*. Kazan, MasterLain. 128 p. (In Russ.)
- Rudenko, S. I. (1955) *The Bashkirs: Historical and ethnographic essays*. Moscow, Leningrad, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 402 p. (In Russ.)
- Safina, E. I. (2025) Common Turkic ornithonyms in Tatar and Tuvan (an ethnolinguistic aspect). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 352–370. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.21>
- Sravnitelno-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika (2001) *Comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexicon*. Ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka. 821 p. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2014) Fishing vocabulary in the western dialect of the Tuvan language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12 (42), pp. 164–166. (In Russ.)

Submission date: 06.10.2025.

Acceptance date: 28.11.2025.